

© 2018 г.

М. А. ЮСИМ

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ — ОТ «ИСТОРИИ ФЛОРЕНЦИИ» К «ИСТОРИИ ИТАЛИИ»

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

DOI: 10.31857/S000523100000105-9

Франческо Гвиччардини (1483—1540) известен сегодня как один из самых проницательных умов XVI столетия, политический мыслитель и крупнейший историк эпохи позднего Возрождения. Как и его приятель и единомышленник Никколо Макиавелли, он обрел широкую славу посмертно, и произошло это благодаря его монументальной «Истории Италии» в 20 книгах. Этот труд, к моменту смерти автора еще не полностью заверченный и впервые изданный лишь в 1561—1564 гг., стал первым произведением Нового времени, посвященным судьбам всего Апеннинского полуострова как единого целого¹. Главное содержание этого сочинения составляют Итальянские войны 1494—1559 гг., которые покончили с независимостью средневековой раздробленной Италии и одновременно послужили стимулом для первых проблесков общеитальянского национального самосознания. Если в эпоху Рисорджименто в XIX в. подобные идеи были подняты на щит и истолковывались как первые ростки итальянского патриотизма, в наше время многие историки относятся к такой оценке критически и в лучшем случае видят в патриотизме эпохи Возрождения только истоки новой и достаточно противоречивой мифологии². Но как бы ни оценивать роль Гвиччардини в рамках итальянской истории и историографии, его сочинение стало вехой в развитии мирового историописания, соединив в себе противоречивые тенденции ренессансной мысли. С одной стороны, это проникнутое сугубо земными мотивами, опирающееся на античные образцы и на достоверные источники повествование, в котором смысл событий постигается исключительно через намерения, предположения и ошибки людей. С другой стороны, оно служит отличной иллюстрацией мысли о том, что результаты человеческих поступков очень редко совпадают с поставленными целями, по сути дела подтверждение поговорки «человек предполагает, а Бог располагает», только место Бога чаще всего занимают судьба или недостатки людской природы.

Картина, нарисованная в «Истории Италии», не изобилует яркими красками; она фактологична, как подобает ученой истории, чужающейся чувственных образов и мифов. В значительной мере это военная история, история походов и осад, мир-

¹ «В «Истории Италии» — впервые в итальянском историописании — вся жизнь полуострова была представлена и проанализирована в ее совокупности (complessità)». — *Chabod F. Guicciardini Francesco*. — *Enciclopedia Italiana*, v. XVIII. Roma, 1933, p. 248. У Гвиччардини были предшественники, в частности, Флавио Бьондо, в середине XV в. написавший на латыни «Italia illustrata» («Наглядное описание Италии») и декады «Истории от упадка Римской империи», но эти труды были ориентированы на античную Италию и всемирную историю.

² См., например, разные оценки дуэли в Барлетте, описываемой и в «Истории Италии» Гвиччардини, кн. 5, гл. 13 (далее, 5—13...). Также см. *Юсим М. А.* О «Барлеттском вызове», великих историках и патриотизме. — *Новая и новейшая история*, 2015, № 1, с. 46—47.

ных договоров и политических интриг. Автор был свидетелем Итальянских войн на протяжении почти полувека, с 1494 г. до своей смерти в 1540 г., и описал их ход до 1534 г., т.е. наиболее важный и насыщенный событиями отрезок. Канва исторических событий и сюжетные линии, намеченные Гвиччардини, во многом послужили отправной точкой для последующих историков, его труд заложил основы для восприятия истории Итальянских войн и по сей день может считаться классическим рассказом о них. Но не только и не столько описание происшествий, военных действий и переделов земель привлекает к его страницам. Наиболее актуальными, на мой взгляд, остаются мысли и рассуждения автора о выведенных им людях, об их планах и чаяниях, об их добродетелях и недостатках, о том, как замыслы претворяются в жизнь или, чаще всего, приводят к неожиданным последствиям. В некоторых случаях, когда важно взвесить все доводы за и против тех или иных решений, они изложены во вставных речах. Иной раз автор не может удержаться от обобщений и афоризмов, которые не служат лишь риторическим украшением и перекликаются с другими его сочинениями и заметками. Читая их, мы не раз убеждаемся, что человеческая природа если и меняется, то очень медленно.

Но повторяется и история. Ситуация европейского мира начала XVI в. напоминает ситуацию в глобальном мире XX—XXI вв. Борьба за доминирование в Италии была одновременно борьбой за главенство в Европе в переходную эпоху от средневекового универсализма, сочетавшегося с бесконечным дроблением власти на местах, к новому унитаризму. Формировались национальные монархии, разделившие христианскую Европу по политическому и конфессиональному принципу. Если до конца XV в. католическая Европа представляла собой относительно единый организм, имеющий общий центр в Риме, где находился престол наместника св. Петра и где короновался император Священной Римской империи, то к началу XVI в. образовались сильные централизованные государства, подчинившие себе мелкие феодальные владения. Результатом национального объединения стало прекращение феодальных войн, которые, правда, сменились войнами за передел тогдашнего европейского, а затем и не только европейского мира. На Апеннинском полуострове постоянные войны между так называемыми территориальными государствами, Миланским герцогством, Венецианской республикой, Неаполитанским королевством, Флорентийской коммуной и так или иначе участвовавшими во всех конфликтах, папами, а также другими властителями привели к миру в Лоди 1454 г., который установил относительное равновесие и обеспечил своего рода систему коллективной безопасности, основанную на взаимных договорных обязательствах об оборонных союзах и оказании поддержки в случае нападений на союзников. Гвиччардини восхваляет эту систему, которую он называет, если воспроизвести итальянское слово буквально, «конфедерацией» — по смыслу правильнее сказать союз. По его мнению, она обеспечила мир и процветание подданных апеннинских держав вплоть до начала Итальянских войн (1—1). В действительности крупные конфликты случались и во второй половине XV в., в частности, это война папы и Фердинанда Неаполитанского против Флоренции после антимагической заговора Пацци 1478 г. и Соляная война в Ферраре 1482—1484 гг. Однако эти конфликты удавалось урегулировать с помощью вышеупомянутых союзов и без вмешательства чужеземных властителей. Это был краткий промежуток в истории Италии, когда немцы, испанцы и французы не решали свои территориально-имущественные споры на ее землях, от века подвергавшихся иноземным нашествиям.

Но с началом описываемых Гвиччардини Итальянских войн в 1494 г. все кардинально изменилось, хотя внешне их поводом послужили те же прежние династические территориальные притязания. Вышеупомянутые средневековые споры

с участием внешних сил почти не затрагивали Северную и Среднюю Италию и не воспринимались как чужеземные нашествия. Французские и немецкие наемники приглашались в качестве вспомогательных войск наравне с бургундцами или каталонцами; герцоги были кондотьерами, а кондотьеры становились герцогами (как Франческо Сфорца в Милане), но все это было бурление внутри самого итальянского котла. 65 лет Итальянских войн между Францией и испано-габсбургской коалицией привели к утверждению на полуострове господства последней и сопровождались резким падением авторитета папства и религиозным расколом. Франческо Гвиччардини прожил достаточно, чтобы понять, что Италия окончательно утрачивает перед лицом «варваров» свою независимость; к тому же он был свидетелем и вынужденным участником событий, в результате которых его родина, Флоренция, лишилась свободы и республиканского строя.

Историк, который, в отличие от Гвиччардини, описывает более или менее далекое прошлое, располагает тем преимуществом, что ему известны последствия тех или иных происшествий, он может оценить, к чему привели те или иные причины, действие которых для современников оставалось скрытым, каковы были результаты тех или иных решений и поступков, которые предпринимались пусть даже с учетом всех обстоятельств, но отчасти вслепую. (Ведь именно вопрос о том, насколько можно предвидеть будущее, волновал Гвиччардини и питал его пессимизм)³. Именно отсюда вытекает возможность извлекать уроки из науки истории, которая предсказывать будущее в деталях со времен Гвиччардини так и не научилась.

Однако положение сегодняшнего научного историка по отношению к современнику событий не лишено и недостатков. Знание того, что было потом, что изменилось, часто заставляет предвосхищать будущее в прошлом, находить ростки нового там, где их, возможно, вовсе не было; так сказать, модернизировать историю, тем более что современный человек чрезмерно ориентирован на будущее, на то, чего еще нет, в отличие от средневекового, который больше всего ценил старину. В этой связи имеет смысл подчеркнуть те черты сочинения Гвиччардини, которые не совсем привычны или не совсем соответствуют ожиданиям сегодняшнего образованного читателя.

Флорентийский писатель ведет изложение как средневековый хронист, по годам, причем придерживается того же жанрового принципа, что и его предшественники: его почти не интересует экономика, он ничего не пишет о том, что мы называем «культурой» (в то время удел «Жизнеописаний», как у его младшего современника Джорджо Вазари). «История Италии» — это политическая история и по преимуществу история войн и дипломатических переговоров. Хотя сочинение посвящено судьбам полуострова в целом и понятие «итальянцы» в нем фигурирует как некая совокупность, в противовес французам, немцам, швейцарцам и другим «варварам», их национальная принадлежность характеризуется очень часто как провинциальная: флорентинец, пикардиец, гризон (житель кантона Граубюнден), что соответствует тогдашнему политическому делению. Становление государственности Нового времени, предполагавшей, что монарх, даже абсолютный, — верхов-

³ См. например, в *Ricordi politici e civili*: «382. Будущее настолько смутно, что даже когда люди решают что-нибудь, хорошо это обдумав, последствия часто бывают обратными. Тем не менее нельзя, подобно зверю, отдаваться на волю судьбы, а надо, как подобает человеку, действовать разумом; мудрый же должен быть более удовлетворен, если поступит обдуманно, хотя бы это привело к плохим последствиям, чем если бы получил хороший результат от дурного совета» (здесь и далее цит. по изд.: *Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских; его же. Сочинения. Вступ. ст. и ред. А. К. Дживелегова. Пер. и прим. М. С. Фельдштейна. М., 1934, с. 107—228*). Ссылки на работы Гвиччардини, опубликованные в указанном издании, даются за исключением оговоренных случаев.

ный слуга общественному благу и что власть в конечном счете не является его наследственным и прирожденным правом, происходило в оболочке средневековых и феодальных представлений о том, что государство, с одной стороны, — «владение», встроенное в иерархическую цепочку ему подобных, а с другой — что это владение можно продавать, передавать по наследству, закладывать и т.д. При этом независимые властители, не говоря о более мелких, поступают на военную службу друг к другу и получают за это жалование по контракту. Беспристрастность Гвиччардини заключается в том, что он раздает нелицеприятные оценки и своим, и чужим; жестокость называет жестокостью, а благородство — благородством. Характерно, однако, что приметы его сурового времени проскальзывают в описании действий и речах героев; так, разграбление завоеванных городов, сопровождающееся убийствами, насилием, даже продажей жителей в рабство считается скорее нормой, а мягкость — исключением (она практиковалась при официальной сдаче, да и то больше на словах)⁴. Вообще в этих войнах главным стимулом для солдат, большинство которых составляли профессиональные наемники, будь то итальянцы, французы, испанцы, не говоря уже о швейцарцах и немцах, как мы узнаем из труда Гвиччардини, служила надежда на добычу, а не патриотические чувства, которые изредка фигурируют на заднем плане.

Одним из немногих новшеств, выходящим за рамки чисто политической истории, стали описанные в одной из глав труда Гвиччардини Великие географические открытия. Любопытно, что Гвиччардини как человек Возрождения много внимания уделяет географическим взглядам древних и их практическому опровержению, которым явились плавания португальцев и Колумба. Еще одна деталь, свидетельствующая о некоем почти вольнодумстве, которое позволил себе бывший наместник папы, — это завершающий главу отрывок о смятении, внесенном этими плаваниями в умы богословов. «Эти путешествия не только опровергли многие утверждения писателей, рассуждавших о земных вещах, но и внесли некоторое беспокойство в умы толкователей Священного Писания, которые привыкли считать, что тот стих псалма, где говорится “По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их” (Пс. 18:5), указывает на распространение Христовой веры через апостолов по всему миру. Это толкование не соответствует истине, ибо о новооткрытых землях раньше никто не знал и там не заметно никаких следов или признаков нашей веры, поэтому не следует думать, что вера Христа была известна в тех краях, или что столь обширная часть света была когда-либо открыта и найдена жителями нашего полушария» (6—9).

Почему же все-таки итоговым сочинением Франческо Гвиччардини стала «История Италии», а не «История Флоренции», в отличие от его предшественников, и было ли это, в частности, проявлением зарождающегося чувства принадлежности к итальянской нации? Слово «Италия» и до этого использовалось как общее понятие, скорее географическое, но не только. В античности Италию населяли италики, как Германию — германцы. Средневековая Италия разделилась на несколько государств по естественноисторическим границам, и они неплохо себя чувствовали,

⁴ Например, о захвате французами Капуи в 1501 г.: «Как это бывает при расчете на скорый мир, неосторожность защитников позволила противникам ворваться в город, который они из алчности и в отместку за потери, понесенные во время штурма, полностью ограбили и перебили множество людей, а тех, кто избежал смерти, захватили в плен. С такой же зверской жестокостью они обошлись с женщинами, не разбирая их звания, в том числе и с монахинями, которые стали жертвами их похоти и жадности, многие же из них были позднее *задешево проданы в Риме*; по слухам, некоторые капуанские женщины, опасаясь за свою жизнь и честь, бросались в реку или в колодцы» (5—5). «История Италии» цитируется по изданию *Storia d'Italia. A cura di S. Seidel Menchi. Torino, 1970.*

хотя воевали друг с другом и с пришельцами. Гвиччардини об этом и вспоминает, когда задается вопросом — а не лучше ли оставаться разделенными и не ввязываться в войны больших держав? Но здесь интересно то, что национальное чувство (если считать появление на свет «Истории Италии» продуктом такового, а не только тем, что Италия стала ареной европейских войн) возникает в результате разочарования, может быть, заката флорентийской мечты. Флоренция стала столицей Возрождения, важнейшего культурного феномена конца Средневековья; из ее стен раздавался и призыв Савонаролы к преобразованию Церкви. Но столицей Реформы, которая стала другим, не менее важным прорывом в Новому времени, ей уже не суждено было стать. Рим остался мировой столицей — но столицей Контрреформы. Об этом, впрочем, многожды говорили как о кризисе Ренессанса. Национальное объединение обычно всегда является результатом войн, но в случае с Италией оно было и продуктом неудачных войн. Очевидно, то же случилось и с Германией, другой жертвой средневекового универсализма, центром Священной империи. Таким образом, судьба Гвиччардини как историка отразила эволюцию страны, которую сплотило общее горе. До этого историю родного города поручали писать его канцлерам, как правило, выдающимся гуманистам. Макиавелли не был в этом отношении исключением, получив заказ в 1520 г. фактически от реальных правителей Флоренции, от Медичи. «История Флоренции» Гвиччардини, над которой он работал в 1509 г., была «амбициозным проектом» 25-летнего начинающего адвоката, независимо от того, думал ли он тогда о его публикации или нет. Итальянцы того времени не без оснований считали свою родину центром мира: действительно, Рим был столицей католического мира, Флоренция стала культурным центром европейского Возрождения, так что труд Гвиччардини не сделал в этом отношении революции; но ему потребовалось расширить рамки своего исторического рассказа до масштабов всей Италии. Это видно даже по указателю к изданиям его труда, включающему и основные города страны и множество мелких местечек по всей ее территории. В развитии исторической мысли новаторство Гвиччардини также продолжает наработки его предшественников. В средние века история не входила в круг наук и не преподавалась в университетах, она была жанром литературы, который позволял извлекать назидания для потомков. Сочинения Макиавелли и Гвиччардини знаменуют поворот в этом жанре: история становится источником философского и политического знания. Макиавелли более склонен к широким обобщениям; Гвиччардини предпочитает приземленные афоризмы, но оба пытаются, в том числе и с помощью истории, предвидеть судьбы Италии и одновременно найти выход из уготованной ей тупиковой ситуации. Макиавелли видит этот выход в том, чтобы пойти по стопам соседних абсолютистских держав, его надежды строятся на объединении страны под эгидой местного монарха. В конечном счете такое объединение произошло, но уже в XIX в. Скептицизм Гвиччардини, следовательно, был не вполне оправдан, но он вытекал из трезвой оценки положения, его вариант развития событий имел под собой не меньше, а то и больше оснований, чем построения Макиавелли. Образцовой республикой флорентинцам представлялась Венеция, которая в самом деле оказалась почти единственным итальянским государством, сохранившим независимость вплоть до конца XVIII в. Она числилась среди главных претендентов на создание собственной «империи», на объединение Италии и в XV—XVI вв. Однако Венецию помимо ее устройства и могущества спасало то, что она располагалась на острове (островах). Превратить всю Италию в такого рода «остров», политическую твердыню, как это случилось во времена Древнего Рима, она не могла, так же как по разным причинам ее соперники — Флоренция, Милан, Неаполь, Генуя и Рим. Одна из главных причин — именно наличие этих многочисленных и сильных соперников, внутриитальянское равновесие. Поэтому

рассуждения Гвиччардини о том, что для Италии наличие многих республик благо, исторически вполне оправданны. Сегодня, спустя столетия, мы можем спорить о том, чье предвидение было более глубоким, но само сочетание исторического подхода и политической оценки, политического теоретизирования и прогнозирования было для того времени новаторским.

Из всех сочинений Гвиччардини, как предполагается, только «История Италии» изначально предназначалась автором для публикации. Тем не менее в его архиве кроме биографических и прочих заметок и писем сохранилось немало аналитических рассуждений, отчетов и других сочинений, в том числе по истории, важнейшим из которых является «История Флоренции», над которой он работал и в 1509 г. и которая осталась незаконченной⁵. Хронологические рамки этого сочинения: 1454—1509 г., с экскурсом в 1378 г., описывающим восстание чомпи, когда предок Франческо был гонфалоньером справедливости. В центре размышлений Гвиччардини находится эволюция политического режима и государственных учреждений его родного города, в ходе которой движение семейства Медичи к тирании перемежалось с периодами возврата к республиканскому правлению. Он обдумывает оптимальный для Флоренции режим, в котором бразды правления были бы сосредоточены в руках сената, подобного венецианскому. В «Истории Италии», в отличие от других политических трудов и записок, таких рассуждений о государственных формах уже нет, но там присутствуют выношенные им за много лет выводы, проникнутые неприятием как монархии, так и широкой демократии. Однако именно в «Истории Флоренции», как и в «Истории Италии», подробнейший рассказ начинается с современных автору событий 1494 г. Правда, в 1528—1531 гг. в момент вынужденного бездействия Гвиччардини, отстраненный от дел вновь вернувшись к власти республиканцами, вновь обращается к истории своего города, желая, видимо, еще раз проследить в прошлом причины современных событий. Но эту работу он довел лишь до 1449 г. («О делах Флоренции», изложение начинается с 1375 г. после краткого рассказа о началах города), однако затем автора отвлекли новые планы, связанные с намерением проанализировать свой опыт на фоне истории Италии последних десятилетий⁶.

Ни одно сочинение Гвиччардини не было издано при его жизни, и даже «История Италии» вышла в свет только спустя 20 с лишним лет после смерти автора. Через посредство его внучатого племянника Пьеро ди Никколо Гвиччардини, внука его брата Луиджи, получили распространение копии «Заметок о делах политических и гражданских»⁷, которые издавались в разных неполных и искаженных вариантах. Публикаторы давали им разные названия: «Советы и наставления»⁸, «Политические советы»⁹, «Назидания и изречения»¹⁰. Все остальные труды Гвиччардини были изданы только в середине XIX в. под редакцией Дж. Канестрини и М. Челлини в

⁵ Название этому произведению дали позднейшие издатели: *Guicciardini F. Storie Fiorentine dai tempi di Cosimo de' Medici fino ai quelli del gonfaloniere Soderini. — Opere inedite illustrate da Giuseppe Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini*, v. 3. Firenze, 1859; *idem. Storie fiorentine dal 1378 al 1509. A cura di R. Palmarocchi*. Bari, 1931.

⁶ Первое издание: *Guicciardini F. Cose fiorentine. A cura di R. Ridolfi*. Firenze, 1945. Название дано публикатором.

⁷ См. *Canestrini G. Prefazione. — Guicciardini F. Opere inedite di Francesco Guicciardini illustrate da Giuseppe Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini*, v. 1. Firenze, 1857, p. XXIX.

⁸ *Consigli e avvertimenti*. Parigi, 1576.

⁹ *Concetti politici*. Venezia, 1578.

¹⁰ *Precetti e sententie*. Anversa, 1585.

десятитомнике «Неизданные произведения Франческо Гвиччардини»¹¹. Затем они неоднократно переиздавались уже в XX в.

Гвиччардини писал не потому, что хотел опубликовать свои работы или получить от них какую-то выгоду, изначально они не были предназначены для широкой аудитории. Многое он писал из внутренней потребности, иногда для того, чтобы дать отчет себе самому; некоторые вещи рождались в период досуга, как размышления с самим собой или ближайшим собеседником, как в переписке. Эпистолярный жанр получил чрезвычайное распространение среди образованных итальянцев — наверное, не без влияния гуманистической эпистографии. Сам флорентийский политик упоминает в «Заметках» о своей склонности записывать мысли в свободное время: «Праздность, сама по себе, причуд/причудливых мыслей не создает, но без праздности их не бывает вовсе» (222). В оригинале «причуды» — это *ghiribizzi*, фантазии, этим же словом Макиавелли обозначил свои максимы в письме к Джованбаттисте Содерини, предвосхищавшие «Государя».

У Гвиччардини эти фантазии, воплотившиеся в «Заметках о делах политических и гражданских» предвосхитили «Историю Италии», по страницам которой рассыпано множество афоризмов, отчасти тех же самых. В XVII в. были даже отдельные издания собраний этих афоризмов из «Истории»¹². Хотя заметки предшествовали «Истории Италии», Гвиччардини философствовал, исходя из своего политического и жизненного опыта, от текущих впечатлений и очень мало от книжной мудрости. Приятель Джованни Корси, которому Гвиччардини посылал наброски «Истории», в своих латинских письмах находил его манеру слишком простонародной и далекой от классических образцов. Сам автор, отвечая ему, называл не без иронии свое сочинение *santafavola*, что можно приблизительно перевести как «сказание»¹³.

Франческо Гвиччардини сравнивали и с древними, и с современными и, разумеется, с более поздними историками, но все же как исторический писатель он стоит особняком и отдельные приметы сходства и различия не предрешают оценки его труда и не отменяют этой оригинальности. Из античных историков Гвиччардини близок Тацит (он сам в заметках дважды советует читать беседы Августа с Тиберием, чтобы «узнать мысли тиранов», 13 и 300); указывают на сходство вставных речей в «Истории Италии» с приемами Саллюстия. Последнее роднит ее (в «Истории Флоренции» не было вставных речей) с гуманистической историографией предшествующего века, впрочем, автор должен был считаться отчасти и с модой: «Гвиччардини писал свою “Историю Италии” с целью ее обнародования. Поэтому он чувствовал себя более стесненным, чем в первой работе. Он полагал, что следует идти на уступки гуманистически образованной публике»¹⁴. В целом гуманистическая риторика была ему чуждой, и даже переводчик «Истории» на латынь Челио Курионе не стал совершенствовать ее стиль¹⁵. Тот факт, что сам этот труд был написан на народном языке, как и «История Флоренции» Маки-

¹¹ *Guicciardini F. Opere inedite di Francesco Guicciardini illustrate da Giuseppe Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini*, v. 1—10. Firenze, 1857—1867.

¹² *Ciro Spontone. Avvertimenti della Historia scritti dal Cavaliere Ciro Spontone a i serenissimi principi...* Bergamo, 1608; Girolamo Canini d'Anghiari. *Aforismi politici cavati dall'istoria d'Italia di M. Francesco Guicciardini*. Venezia, 1625 (1181 афоризм). Также см. *Ruozzi G. Da Guicciardini a Longanesi. Dall'афорисма di famiglia all'афорисма di editore*. — *L'Europa degli афористи*. A cura di M. T. Bion 1. Pragmatica dell'афорисма nella cultura europea. — *Annali di Ca' Foscari*, 36, 1997, 1—2, p. 11—38.

¹³ *Del Lungo I. Ai lettori*. — *La Storia d'Italia di Francesco Guicciardini sugli originali manoscritti*, v. 1. Firenze, 1919, p. XII. Джованни Корси в свое время сменил Гвиччардини в качестве посла Флоренции в Испании.

¹⁴ *Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie*. München — Berlin, 1911. S. 76.

¹⁵ *Ibid.*, S. 71.

авелли, встраивает его в традицию позднесредневековых флорентийских хроник (Дж. Виллани, Р. Малиспини, Д. Компаньи). Что касается авторов Нового времени, то Гвиччардини, несомненно, во многом превосходит их подходы в политической, военной истории, истории дипломатии, особенно с точки зрения использования источников, но, как пишет Э. Фютер, остался ими недооцененным в силу чрезмерно критической оценки, данной Л. фон Ранке¹⁶.

Действительно, Гвиччардини не только иногда указывает, у кого он взял те или иные сведения, но и отмечает расхождение в версиях. Где-то доступные ему источники подробно пересказаны, что невозможно без знакомства с текстами. Обычно это союзные или мирные договоры или документы, издаваемые римской курией (см., например, изложение бреве, данное Климентом VII в 1527 г. маршалу Лотреку)¹⁷. Гвиччардини ссылается также на документы флорентийского государственного архива, с которым он мог знакомиться в бытность гонфалоньером Никколо Каппони в 1527—1529 гг. Возможно, уже тогда он делал выписки, использованные позднее в «Истории Италии». Вместе с тем почти в каждой главе «Истории» встречаются такие фразы, как «ходили слухи», «как говорят», а также «по мнению многих», «некоторые полагали», «другие считали». Это свидетельствует о том, что автор, вероятно, пользовался устными рассказами участников событий, или полученными из третьих рук. Приводимые им подробности, колоритные детали, чьи-то остроумные фразы, разносившиеся молвой, отражают «виртуальную сторону» истории, столь важную для Гвиччардини — восприятие и отношение к событиям современников и действующих лиц. Элементы анналистики, которые ставили Гвиччардини в укор (тот же Ранке), очень редко прерывают связность его рассказа и обычно сопровождаются содержательными комментариями, привязывающими их к общей идее повествования¹⁸.

Гвиччардини в отличие от своих предшественников-хронистов больше сосредоточен на том, что составляет его главный интерес — на политической истории, и притом преимущественно внешней, не внутригородской. Его рассказ — это рассказ о старых обидах, справедливости и несправедливости, крушении надежд и честолюбивых планов. Гвиччардини привел те версии, которые бытуют по сей день, расставил точки над *i*, описал мотивы и результаты. Разумеется, следующие поколения должны были во всем этом усомниться — такова обычная задача профессиональных историков. В чем, однако, привлекательность и, может быть, неподражаемость повествования Гвиччардини — он говорит обо всем с точки зрения планов и прогнозов участников событий, с одной стороны, не сводя происходящее к универсальным законам, с другой — не впадая в ошибки человека, всеведущего задним числом. Он всегда сохраняет чувство альтернативности истории, того, что сейчас называют ее сослагательным наклонением. Так Гвиччардини рассказывает, например, о внезапной смерти Карла VIII и восшествии на французский престол Людовика XII: [Карл] простился с жизнью, после того как привел в смятение весь

¹⁶ Ibidem: «Тот, кто не знает труда Гвиччардини, вынесет из отзывов Ранке впечатление, что речь идет о неловкой и недобросовестной компиляции, в то время как ни один современный ему историк не сравнится с Гвиччардини в тщательном и критическом использовании источников».

¹⁷ Историк использует этот текст, чтобы дать характеристику папы: «Таковы были первоначальные слова папы, простые и искренние, как и подобает сану понтифика... однако он оставался верен своей натуре, и заключение не заставило его отказаться ни от его уловок, ни от его алчности» (18—15).

¹⁸ Например, 5—6: «В том же году умер венецианский дож Агостино Барбариго... Новые законы еще более ограничили власть его преемников, а на его место него был избран Леонардо Лоредан, так что, благодаря совершенству их формы правления, государственные дела не подверглись никаким изменениям ни вследствие смерти прежнего государя, ни из-за избрания нового».

мир, благодаря не столько своей доблести, сколько неуравновешенности. Он мог посеять новую смуту, ибо горячо желал вернуться в Италию и в один прекрасный день по собственной инициативе или по подсказке тех, кто завидовал влиянию кардинала Сен-Мало, преодолел бы воздвигнутые перед ним преграды» (3—15). «Смерть французского короля Карла избавила итальянцев от нависшей со стороны французов угрозы, ибо казалось маловероятным, чтобы Людовик Двенадцатый в самом начале своего правления втянулся в войну по эту сторону гор. Однако те, кто думал о будущем, не могли отделаться от мысли, что отсроченное зло со временем может стать опаснее, ибо огромная власть досталась искушенному в военном деле королю, закалившемуся во многих войнах, не склонному к расточительству и несравненно более самостоятельному, чем его предшественник» (4—1). Эти события показаны, как и обычно у Гвиччардини, через отношение современников, свидетелей, заинтересованных и действующих лиц.

Наши сегодняшние представления о той эпохе более определены, как уже вынесенный судебный приговор. В учебниках можно найти справедливые утверждения о том, что в XVI в. Италия оказалась трагически разобщенной страной, утратила свое влияние в европейском мире, стала местом конфликтов соседних держав и тому подобное. При ближайшем рассмотрении у Гвиччардини все выглядит несколько иначе: как сцепление обстоятельств и поступков отдельных людей. Его история складывается не из повторяющихся повседневных действий масс, обусловленных долговременными факторами, а из решений главных действующих лиц, которые они принимают, движимые своими страстями и интересами. В центре их внимания, как и внимания Гвиччардини, — война и средства, необходимые для ее ведения. С этой точки зрения к сегодняшнему дню изменилось не так много. Читая Гвиччардини, видишь, что мотором войны являются деньги, не зря он полемизирует с Макиавелли, который утверждал, что нерв войны — не золото, а армия. «Я признаю, что тому, у кого есть собственные солдаты, война обходится дешевле, чем тому, у кого солдаты наемные. Однако деньги потребны и тому, кто ведет войну собственным войском, а оно есть не у всех; и гораздо легче, имея деньги, найти солдат, чем имея солдат, найти деньги» («Замечания относительно “Рассуждений” Макиавелли», 2—10). Это пишет практик, человек, живший в эпоху преобладания наемников, без участия которых войны почти никогда не выигрывались. Профессиональные воины переходили из одного лагеря в другой — иногда за это можно было заплатить головой, но если истекал контракт или были оправдания, такой поступок не считался заторным. Тогдашние властители вели войны не столько ради денег, сколько ради власти, влияния, престижа, но деньги им требовались в огромном количестве.

Гвиччардини показывает бухгалтерию войны, затраты и отчетность — сколько было сил у каждой из сторон, пехоты, конницы, куда и когда они двигались, сколько получали жалования и т.д. В чем он сходится с Макиавелли, так это в невыгодном сравнении современного ему способа воевать с античным. «Я был два раза во главе войск во время важнейших походов¹⁹, располагал огромной властью и пришел к следующему: если верно то, что пишется о древнем войске, — а я думаю, что это большей частью так, — то по сравнению с ним нынешние войска — только тень. У современных начальников нет ни доблести, ни умения; они воюют без всякого искусства, без военных хитростей, точно расхаживают медленными шагами по главной улице» (Заметки, 205).

¹⁹ Очевидно, Гвиччардини имеет в виду свое назначение генеральным комиссаром папы Льва X при церковной армии во время войны с французами в июле 1521 г. и аналогичную должность, которую он занимал в ходе войн Коньякской лиги с имперцами в 1525—1527 гг.

Однако описание войн у Гвиччардини наводит на мысль, правда, нигде четко не сформулированную, что внешнее соотношение сил и средств далеко не всегда и даже редко является решающим для исхода конфликтов. В битвах, стычках и осадах все зависит от того, что происходит в головах, и часто малейшие случайности или промахи меняют этот настрой и эту психологическую картину. Так, описывая победу испанцев над венецианцами под Виченцей в октябре 1513 г., Гвиччардини говорит: «Неприятель проявил легкомыслие и не стал дожидаться, пока чрезвычайно выгодная для него ситуация разрешится окончательно». Поспешность командующего венецианским войском Альвиано привела к поражению, которое было «примечательно тем, что победа почти в один миг досталась тем, кто едва рассчитывал спастись» (11—15). Оно также показало, что «нельзя полагаться на итальянскую пехоту, не имеющую опыта в упорных сражениях». Противоположный пример является стойкость швейцарцев, уступивших при Мариньяно в 1515 г., но сохранивших дисциплину: «Они протрубили сбор, повернули свои ряды, поставив с тыла привезенные с собой орудия, и, сохраняя обычный порядок, медленно двинулись в сторону Милана, к изумлению французов, из всего войска которых ни один конный или пеший не решился их преследовать» (12—15). Решающими факторами могут быть именно свойства, присущие всей «нации»: высокомерие и самоуверенность французов часто их подводят; они привели к разгрому при осаде Неаполя в 1528 г.²⁰ и, как можно понять, вообще были одной из причин их поражения в Итальянских войнах²¹. Гвиччардини неоднократно упоминает о том, что Людовик XI не хотел втягиваться в итальянские дела²²; неблагоразумие его преемников стало причиной бедствий не только и не столько для Франции, сколько для итальянцев.

Подоплеку всей «Истории Италии» Гвиччардини составляет переплетение человеческих страстей — своекорыстия, обид, личных интересов, предательства, интриг. Эта книга интересна для нас именно анализом характеров, поступков, составляющим ее сильную сторону. Историки того времени уже не очень верили в управляющее событиями разумное и нравственное начало, а законы развития общества и его производительных сил их еще не волновали. Автор «Истории» находился в двойственном положении: с одной стороны, он должен был устанавливать истину, настолько беспристрастно, насколько возможно, а с другой как участник событий не мог не поддаться искушению объяснить и отчасти оправдать свои поступки, говоря о себе в третьем лице, а иногда и в завуалированной форме. Неоднократно рассказчик упоминает о том, что папе Клименту следовало прибегнуть к назначению кардиналов за деньги (фактически к симонии), чтобы выйти из трудного положения в разгар войны. Папа отказывался, а когда решился, накануне разгрома Рима в мае 1527 г., было уже поздно. Судя по всему, одним из тех «умудренных мужей», которые в свое время давали такой совет, был и Франческо Гвиччар-

²⁰ Французский военачальник Лотрек «тешил себя чрезмерными надеждами» и не хотел снимать осаду, так как обещал королю взять Неаполь, в то время как если бы французы отошли, «они могли бы взять имперцев, которым недоставало всего, измором» (19—4).

²¹ «Кому более присущи высокомерие и легкомыслие, как не французам? А где высокомерие, там и ослепление, где легкомыслие, там нет понимания добродетели, нет способности судить о чужих поступках и нет серьезного осознания того, как надлежит поступать тебе самому» (16—5). Правда, эти слова вложены автором в уста испанца.

²² «Отец Карла [VIII] Людовик [XI], побуждаемый часто и многими со ссылкой на весьма благоприятные обстоятельства к походу на Неаполь и призываемый генуэзцами к овладению их родиной, принадлежавшей его отцу Карлу VII, всегда отказывался от вмешательства в итальянские дела, требующего больших расходов, сопряженного с трудностями и, главное, пагубного для Французского королевства» (1—4).

дини²³. Историческое повествование вообще — очень удобная форма передачи суждений и оценок как бы в виде иносказания, но с использованием вполне конкретных и правдивых образов. Стоящее за этим повествованием философствование — это философствование о природе людей, которыми движет честолюбие, желание получать все больше и больше, жадность, и которые не могут остановиться в своей бездумной слепоте. Историк и свидетель событий перебирает их еще раз и устанавливает неизбежность фатальных ошибок, заложенную в человеческой природе. Он судит о «великих людях», будучи с ними почти на равных и в жизни (здесь одно из отличий с Макиавелли, более высокий статус) и судит нелицеприятно, относя величие в большинстве случаев к сану и показывая несоответствие их поведения этому сану. Исторические персонажи действуют так, как им свойственно, и не могут или не хотят выйти из очерченного круга, это и есть предопределенность истории. Папа чрезмерно погружен в свои интересы и осторожен, поэтому и постоянно заблуждается; Бурбон рискует и обманывает; герцог Урбинский предательски тянет время и т.д. История — в том числе и сведение всех счетов.

Но, разумеется, задачи Гвиччардини-историка далеко выходят за рамки самооправдания и сведения счетов, его главная цель, по-видимому, понять для себя и показать читателям, которые в данном случае должны были составить широкую аудиторию, как произошел переход от благоденствия итальянских государств к краху и разорению. Это желание «понять и объяснить смысл исторического момента, неразличимый для ограниченного (*parcellaire*) взгляда действующих лиц»²⁴, можно было осуществить лишь обратившись к целостной исторической картине.

Масштабности задачи должен был соответствовать и литературный инструментарий, стилистическая отделка и манера повествования. Историк поднимается над схваткой, его взор охватывает не только текущие события, но и их отдаленные последствия, отсюда эпические зачины, дающие оценку отдельным годам, и торжественный тон напоминаний о приговорах истории.

Вот как Гвиччардини, говорит, в частности, о заходящей звезде Александра VI: «Наступил тысяча пятьсот третий год, на редкость богатый важными и примечательными событиями, имевшими далеко идущие последствия. Начался он с вероломного и нечестивого деяния главы христианства, каковой еще не ведал о том, что случится с ним и с его начинаниями в самом скором времени» (5—12). Предмет Гвиччардини — преимущественно кровавые и мрачные события, которыми полна итальянская политика того времени, но сегодня эти страшные картины воспринимаются наподобие старинных гравюр, где все страсти черно-белые, они отделены от нас и мы от них, мы можем сопереживать очень отвлеченно, как в театре. Это и есть театр истории²⁵. Они не столько пугают, сколько утешают. Было всякое. Старинная история сегодня выглядит величественнее, чем беспокойная и голая (лишенная покрова, уверенности) сегодняшняя. Над полями сражений, украшенными трофеями и скачущими полководцами, витают боги и ангелы. Эти картины символичны, они иллюстрируют триумф добродетелей с большой буквы, или Фортуны, но тоже с большой, сколь бы аналитичны, скептически или циничны ни были

²³ «Тогда понтифику пришлось, как ранее предсказывали ему наиболее умудренные мужи, прибегнуть ввиду крайней необходимости и слишком поздно к тем средствам, которые, будучи употреблены в подходящее время, явились бы для него спасительными, и за деньги назначил трех кардиналов; но ввиду затруднительной ситуации эти суммы не могли быть выплачены, а если бы и могли, это нисколько не предотвратило бы грозящей опасности» (18—8).

²⁴ Fournel J.-L., Zancarini J.-C. La politique de l'expérience: Savonarole, Guicciardini et le républicanisme florentin. Alessandria, 2002, p. 312.

²⁵ «Роль, которую мы играем в мире, дана нам судьбой; хвалят же нас за то, как мы живем в условиях, которые она нам создала» (Утешительная речь). — Гвиччардини Ф. Сочинения..., с. 375.

авторы тех историй. Поэтому «История Италии» не оставляет особенно мрачного впечатления, это гармоничный, классический труд своего времени, отчасти полифоничный, сопоставимый с музыкой Генделя и Баха, даже Вивальди, который напоминает о беге времени, о повторяющихся событиях и картинах, о космосе. При всей злободневности это все-таки отвлеченный взгляд, взгляд Историка, который Гвиччардини усвоил к концу жизни, испытал свое перо в записках, рассуждениях и воспоминаниях, даже попытках писать историю на злобу дня.

Впрочем, старания автора усовершенствовать свой труд в литературном отношении будут мало заметны для современного читателя; чтобы ощутить их в итальянском тексте, ему потребуется хорошее знание истории языка; что же говорить о том ослабленном отражении, которым является перевод. Итальянские исследователи пишут о том, что в «Истории Италии» автор избегал просторечия и стилистической шероховатости, присущих его ранним произведениям, т.е. добивался, по-видимому, классической ясности и прозрачности повествования. Тем не менее текст Гвиччардини временами тяжеловесен и на нынешний вкус (возможно, и не только нынешний²⁶) перегружен подробностями и избыточными повторами. Изложение суховато и довольно однообразно, что можно отнести, правда, на счет жанра — местами полуофициозной и преимущественно военной истории (кто, сколько, куда пошли, чем кончилось). Все это не помешало позднейшим историкам и филологам превозносить Гвиччардини и его сочинение до небес: Боден ставит его наравне с Геродотом, именуя «отцом истории»²⁷, Вико называет его «самым выдающимся» итальянским историком²⁸; не любивший Гвиччардини Ф. Де Санктис утверждает, что «с точки зрения интеллектуальной силы» его произведение «представляет собой величайшее достижение итальянского разума»²⁹. Современный историк Федерико Шабо: «Гвиччардини — самый великий из всех итальянских историков»³⁰. Ему вторят филологи Ненчони: «Век... в прозе Гвиччардини достиг вершины лингвистической мощи, сопоставимой только с поэзией Комедии [Данте]»³¹. И Менгалдо: «Возможно, это самая великая проза, когда-либо написанная в Италии»³². В ближайшее время этот исторический труд Ф. Гвиччардини увидит свет и на русском языке.

²⁶ Примеры приводит историк литературы Дж. Тирабоски (*Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana: Dall'anno 1400 al 1600, v. IV. Milano, 1833, p. 48*). В частности, он ссылается на «Парнасские известия» сатирика начала XVII в. Траяно Бокалини: «Боккалини выводит некоего оратора, который выражал тремя словами то, что можно было сказать двумя. Спартанский сенат приговаривает его к прочтению “Пизанской войны” Гвиччардини, но тот просит приговорить его к заключению и каторге, но избавить от чтения (Парнасские известия, 6)». Тирабоски критикует Гвиччардини за вставные речи, «часто совершенно неправдоподобные и выходящие за рамки критики», но затем называет одним из лучших историков Италии.

²⁷ Боден Ж. Метод легкого познания истории. Пер. М. С. Бобковой. М., 2000. С. 58.

²⁸ «Франческо Гвиччардини занимался юриспруденцией на Римском форуме, но современные ему папы вопреки его желанию поставили его во главе многих подданных им городов, и так как он по поручению пап вел с французами многие важнейшие дела, связанные с войной... это навело его на мысль рассказать о тогдашних событиях в Италии и он стал самым выдающимся историком из писавших на итальянском языке». — *Vico G.-B. De mente heroica dissertatio*. — Laboratorio dell'ISPF — V, 2008, 1, p. XII. http://www.ispf=lab.cnr.it/system/files/ispf_lab/documenti/dementeheroicadef_rev.pdf. Ср. Дзювелегов А. К. Франческо Гвиччардини..., с. 65, прим. 1.

²⁹ Де Санктис Ф. История итальянской литературы, т. 2. М., 1964, с. 142, 144.

³⁰ Chabod F. Guicciardini Francesco. — Enciclopedia Italiana, v. XVIII. Roma, 1933.

³¹ Nencioni G. La lingua del Guicciardini. — Francesco Guicciardini nel V centenario della nascita 1483—1983. Firenze, 1984, p. 270.

³² Mengaldo P. V. Prima lezione di stilistica. Roma — Bari, 2001, p. 59.